
ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ*

Н.П. Нарбут, И.В. Троцук

Кафедра социологии
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

На основе данных эмпирических социологических исследований в статье сравниваются ценностные ориентации молодежи Китая и России и России и Чехии — стран, осуществляющих различные подходы к социальным преобразованиям и формированию экономики рыночного типа.

Вот уже на протяжении нескольких десятилетий проблема содержания и структуры ценностных ориентаций студенческой молодежи в трансформирующемся обществе находится в фокусе внимания социологов, анализирующих период кардинальной переоценки политических, экономических и социальных доминант общественного развития. Во-первых, речь идет о ценностных ориентациях [7. С. 3]; во-вторых, говорится о студенчестве — особенно восприимчивой и высоко социально мобильной части молодежи, в наибольшей степени затронутой процессом перестройки ценностного содержания общественного сознания и формирующей потенциал общественного развития на перспективу.

Девяностые годы прошлого века вошли в историю как время изменения государственных границ, потоков миграции и национального состава населения, трансформаций в политической, культурной и социально-экономической сфере: движение от обществ тоталитарного типа к демократическим, от плановых централизованных экономик — к экономикам рыночного типа, от относительно социально-однородных обществ — к обществам со сложной системой социальной стратификации приобрело необратимый характер. Все это не только своеобразно отразилось в сознании живущих на их территории людей, но и породило ощутимые противоречия между требованиями государств к своим гражданам и общей готовностью граждан их воспринимать. Специалисты характеризуют нынешнее состояние общественного сознания в бывших социалистических странах как переход от «морально-политического единства» к «конфликту ценностей»: отринутая идеология содержала в качестве важнейшей идею «морально-политического единства» общества, призванную обеспечить достижение большинством его членов консенсуса относительно важнейших вопросов общественного бытия, — отказавшись от этой официальной доктрины, общество тем самым открыло для себя реально существующее разнообразие ценностей. Многообразие ценностных ориентаций — естественное состояние человеческих сообществ, но, как и другие базовые элементы человеческого существования, оно принципиально противоречиво и потенциально содержит возможность позитивных и негативных интерпре-

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ. Грант № 08-03-00279а.

таций: так, российское общество, согласившись на плюрализм как условие гласности и продвигаясь к свободе слова, еще далеко от той толерантности к разнообразию ценностей, которая позволяет укрепиться нормам демократического общежития. «Конфликт ценностей» определяет формирование сознания нынешнего поколения молодежи: не успев впитать ценности советского периода, молодежь оказалась более способной адаптироваться к изменившимся после мировоззренческих деформаций социальным условиям, чем старшие поколения, прожившие основную часть жизни при социализме. Этот фактор наряду с другими социально-демографическими характеристиками молодежи позволяет рассматривать ее как активного субъекта истории, генератора новых идей, а не как пассивного объекта навязанных сверху государственных программ, что было характерно для периода социализма.

Россия и Чехия. В 1999 г. Социологическая лаборатория кафедры социологии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН совместно с Карловым университетом (Прага) провела первое разведывательное исследование ценностных ориентаций молодежи постсоветской России и Чехии. Под ценностными ориентациями понималось осознание всей совокупности желаемых материальных и духовных благ, необходимых нравственных норм и выбор из них наиболее предпочтительных. Несмотря на детерминированность содержания ценностных ориентаций характером социального развития, данные ценности представляют собой относительно самостоятельный феномен группового и индивидуального сознания, один из важнейших мотивов формирования и реализации жизненных планов молодого поколения. Научный анализ ценностных ориентаций основывался на изучении всей системы ценностного отношения молодежи к различным видам жизнедеятельности: к труду, к образованию, к семье, к быту, к общественно-политической деятельности и т.д. Непротиворечивость ценностных ориентаций — показатель устойчивости личности молодого человека, тогда как противоречивость свидетельствует о незрелости и маргинальности (совмещении ценностных ориентаций нескольких социальных групп, интересы которых существенно различаются). Формирование системы ценностных ориентаций молодежи знаменует, таким образом, становление молодого поколения как активного субъекта социальной деятельности.

Девяностые годы были переходным этапом в истории России и Чехии: российское общество стало на путь создания демократических институтов и выработки соответствующих им либеральных ценностей; в Чехии те же процессы не вызвали коренной ломки системы ценностных ориентаций населения, поскольку Чехия, будучи социалистической страной в составе Чехословакии, все же развивалась в русле западноевропейской цивилизации. Наиболее ярко это различие проявляется в жизни старших поколений двух стран, так как молодежь более четко и менее болезненно адаптирует свое поведение к требованиям современного общественного устройства. Для молодежи обеих стран характерно расслоение по типам выбранной модели духовно-идеологического самоопределения (хотя их процентное соотношение в российской и чешской молодежи может значительно различаться): часть молодежи ориентируется на западные модели поведения; часть

стремится разумно сочетать ценности демократического рыночного общества с традиционными ценностями социалистического общежития; часть ведет себя достаточно аполитично, считая главным жизненным приоритетом устройство личной жизни и равнодушно воспринимая все происходящие в жизни общества перемены.

Как показали результаты исследований в Праге и Москве, российское и чешское общество не отличаются кардинально — многие проблемы и противоречия переходного периода являются общими для двух стран, просто формы их проявления могут носить несколько специфический «национальный» оттенок (сравнивать масштабы в нашем исследовании было бы бессмысленно: только в Москве проживает больше жителей, чем во всей Чехии, а в Праге, соответственно, в пять раз меньше жителей, чем в Москве, поэтому и проблемы российского общества как минимум в пять раз ярче и сложнее; причем иные масштабы обуславливают и более разветвленную дифференциацию внутри российских субкультур). Главным выводом исследования стало утверждение, что в результате почти одновременного перехода двух стран от социалистического к капиталистическому пути развития те значительные изменения, которые произошли в ценностных ориентациях российской и чешской молодежи, носят достаточно сходный характер в выборе приоритетов как в культурно-духовной, так и в материальной сферах жизни. Несмотря на отчетливо просматриваемое влияние западной, в частности американской, культуры на российскую и чешскую молодежь, у последней, тем не менее, ярче проявляется как адаптация и принятие ценностей западной культуры, так и стремление к сохранению чешской национальной культуры.

В 2002 г. было проведено уже полномасштабное сравнительное социологическое исследование патриотизма российской и чешской студенческой молодежи. Патриотизм рассматривался как ценностная ориентация личности, комплексное системное понятие, включающее в себя: 1) когнитивный компонент (спектр знаний и представлений, связанных с понятием родины, — своеобразие и специфика страны, ее статус в мировом сообществе, роль в истории, перспективы развития, достижения и неудачи, субъективное понимание родины и т.д.); 2) аффективный (эмоционально-окрашенное чувство духовного и культурного единства со своей родиной); 3) конативный (готовность действовать в интересах родины — жертвовать своими интересами ради ее интересов и т.д.). Исследование было направлено на составление некоторой целостной картины патриотических представлений современной студенческой молодежи России и Чехии. Особый акцент делался на сравнительном аспекте: учет страновой специфики становления молодого поколения, оказывающей пусть и незначительное, но ощутимое влияние на формирование ценностных ориентаций, предполагалось выявление значимых отличий в патриотических представлениях молодежи двух стран. Предметом исследования стало, во-первых, социологически фиксируемое содержание патриотических представлений российской и чешской студенческой молодежи с точки зрения наиболее приоритетных их компонентов; во-вторых, модели жизненного самоопределения, обусловленные содержанием патриотических представлений.

Сложность сопоставления патриотического настроения российской и чешской студенческой молодежи связана с тем, что само понятие патриотизма оказалось неактуальным для Чехии. В сознании россиян существует четкое разграничение своей национальной и гражданской принадлежности — национальный состав россиян крайне разнообразен, что тем не менее не снижает их патриотического настроения и не мешает осознанию себя гражданами Российской Федерации. В Чехии следует говорить не столько о патриотизме, сколько о национальной идентичности — несмотря на четкую дифференциацию на собственно Чехию (столица Прага), Моравию (Брно) и Силезию (Опава), Чехия считается однопатриотическим государством, поэтому патриотизм здесь выступает как ощущение и осознание себя чехом. В отличие от многонационального российского государства, где понятие патриотизма является надэтническим, в Чехии оно приобретает этнический и территориальный аспекты. Общим для России и Чехии является не субстанциональное, а функциональное определение патриотизма — это не некая «вещь» в сознании отдельного человека или народа в целом, а фактор, определяющий направление индивидуальной жизни и общественной истории.

Как показали результаты исследования, структура патриотизма как ценностной ориентации российской и чешской студенческой молодежи включает в себя все три компонента — когнитивный, аффективный и конативный, причем нельзя утверждать, что какой-либо из них является доминирующим или более ярко выраженным по сравнению с остальными. Так, российские и чешские респонденты достаточно единодушны в оценках положения своих стран на международной арене как «среднеразвитых» и в приверженности позитивному образу своих стран, независимо от того, считают они себя патриотами или нет. Российские и чешские студенты единодушны в негативной оценке деятельности властных структур, однако чешские студенты высказывают большее удовлетворение развитием экономики, системой социального обеспечения, реализацией прав и свобод человека, что, скорее всего, связано с более стабильной, по сравнению с Россией, социально-экономической и политической ситуацией в Чехии. Большинство представителей современного студенчества испытывают чувство гордости за прошлое своих стран; настоящее и будущее национальной культуры, науки, сферы образования и занятости вызывают у молодежи вполне оправданные опасения. Никто из респондентов не выразил обеспокоенности возможностью распада государства и установления военной диктатуры — вероятно, данные варианты не рассматриваются студентами двух стран как реалистичные. Чешские студенты связывают будущее Чехии с интеграцией в НАТО и ЕС, российские респонденты уверены, что у России свой путь. Тем не менее нельзя говорить, что студенты двух стран имеют однозначное отношение к странам Запада: признавая высокий уровень их развития, студенты России и Чехии отмечают как позитивные, так и негативные моменты в западном влиянии, причем чешские респонденты более единодушны в акцентировании как плюсов («будущее всего мира зависит от решений стран Запада»), так и минусов («США в роли «мирового жандарма», насилие в СМИ как «западный продукт»).

Аффективный компонент патриотизма хорошо выражен и положительно окрашен как у российских, так и у чешских респондентов: большинство смотрит в будущее скорее с надеждой и оптимизмом, чем с тревогой и неуверенностью; для студентов характерна общероссийская/общечешская патриотическая установка, однако для молодых россиян на втором месте по приоритетности стоит привязанность к родному городу, а для чехов — к родному краю и городу. Выражение общечешской/общероссийской патриотической установки характерно для тех респондентов, кто считает себя патриотами, однако если среди тех российских студентов, кто не считает себя таковыми, предпочтения распределились поровну между общероссийской, этнонациональной и космополитичной установками, то среди чешских студентов доминирует этнонациональная установка с некоторым креном в сторону региональной. Российские и чешские студенты достаточно единодушны не только в позитивной оценке национальной символики своих стран, но и в видении ее функций — большинство считает, что национальная символика обеспечивает внутреннюю солидарность общества, и отказывается признавать ее внешним атрибутом, не несущим никакой смысловой нагрузки.

Оценить степень выраженности конативного компонента патриотизма представляется наиболее сложным, поскольку, в отличие от патриотического настроения «советских» поколений, патриотизм молодых граждан России и Чехии лишился своей активной, деятельностной основы. Большинство российских и чешских респондентов считают себя патриотами, однако почти все они испытали некоторые трудности при самоопределении на шкале патриотизма: если российским студентам сложно однозначно определить свое отношение к стране как патриотизм, то чешским студентам непонятно само слово «патриотизм» (в Чехии оно включает в себя или подменяет понятие национальной идентичности). Больше половины российских студентов готовы принять участие в военных действиях по отражению вторжения других государств, причем эта готовность характерна как для тех респондентов, кто считает себя патриотами, так и для тех, кто не готов характеризовать себя подобным образом. Почти половина чешских респондентов затруднилась выразить свое мнение о готовности участвовать в военных действиях по отражению вторжения других государств, и неопределенность гражданской позиции характерна как для считающих себя патриотами, так и для отказывающихся характеризовать себя таким образом. Российские и чешские студенты единодушно допускают для себя возможность временного выезда за рубеж, причем желание или нежелание жить и работать за рубежом не связаны с оценкой будущего своей страны. Основными мотивами выезда для российских студентов являются желание материальной обеспеченности и уверенности в завтрашнем дне, на первом месте у чешской молодежи — стремление реализовать свой интеллектуальный потенциал и получить за это достойную заработную плату. Среди сдерживающих факторов у российских студентов доминирует уверенность в возможности самореализоваться на родине и нежелание оставлять близких, у чешских — убежденность в возможности самореализации в Чехии. Таким образом, с одной стороны, можно было бы говорить о большей привязанности российского моло-

дого человека к семье, с другой стороны, для чешского студента в принципе не существует понятия «заграница», поскольку Чехия настолько интегрирована в европейское сообщество, что учеба и работа в Германии, например, не рассматривается как «выезд за рубеж».

Россия и Китай. Реформирование китайской экономики, идущее уже почти два десятилетия, постоянно привлекает внимание отечественных ученых и публицистов, разочарованных ходом преобразований в России и потому рассматривающих китайский вариант как реальный пример иного пути к рынку. Действительно, в проведении рыночной реформы Китай демонстрирует гибкий, творческий подход, постоянно корректируя методы и формы преобразований, приводя политику в соответствие с экономической реальностью. В России же, наоборот, складывается впечатление, что идеология и политика зачастую довлеют над сугубо прагматическими задачами. И дело не столько в противопоставлении российских и китайских реформ как крайних проявлений капиталистического и социалистического путей экономического развития — любая модель транзита сегодня обязательно будет содержать черты и того, и другого. Скорее, речь идет о том, что российское руководство должно обратить внимание на сложившийся в Китае вариант «социалистической рыночной экономики», для которой характерны многоукладность и всеобщее распространение рыночных отношений при сохранении государственного контроля и регулирования хозяйственной деятельности в интересах роста реального и социального благосостояния народа.

Долгое время Россия и Китай были достаточно геополитически закрытыми странами, что обусловило прохождение ими собственного пути развития, характеризующегося запоздалой модернизацией и болезненным переходом к рыночной системе экономических отношений. К факторам, сближающим наши страны, следует также отнести их многонациональный характер, что приводит к схожим проблемам в выработке национальной и миграционной политики; а также взаимную интеграцию российского и китайского обществ благодаря, прежде всего, общности границ и студенческому обмену. Значимые различия российского и китайского обществ детерминированы в первую очередь особенностями социального аспекта реформирования — в отличие от российского радикализма в проведении реформ, для Китая характерна попытка мягкого и последовательного сочетания социалистической и капиталистической концепций общественного развития, планового и рыночного способов хозяйствования, институциональная подготовка инноваций и продуманная молодежная политика, направленная на ускорение адаптационных процессов в новых экономических условиях.

К основным факторам модернизации китайской экономики относят следующие (составляющие суть различия российского и китайского путей реформирования) [4. С. 67]: отказ от разрушения и критики прошлого; предварительная теоретическая проработка всех реформ под руководством и контролем правительства; акцент на человеческом измерении реформ; отказ от осуществления реформ «по чужим рецептам» ради «строительства социализма с китайской спецификой»; отказ от обвальской либерализации экономики; развитие многообразных форм собственности (коллективных, единоличных, частных, совместных (с иностран-

ным участием). Сравнивая экономические реформы в России и Китае на начальных этапах, китайские ученые констатировали, что в Китае сначала «создают теорию, а затем педантично ей следуют», тогда как в России «учатся плавать, бросившись в реку» [6. С. 68]. Например, в России была подвергнута реформированию вся государственная и политическая система, тогда как в Китае политические реформы были куда менее значительными и радикальными [1]. Тем не менее по целому ряду направлений Россия сумела продвинуться дальше Китая — по темпам развития различных видов рынка, банковской системы, рычагов макроэкономического контроля (налоговых механизмов, процентных ставок, валютных курсов и т.д.).

Таким образом, важнейшими факторами, оказывающими влияние на ценностные ориентации российской и китайской молодежи, являются рыночные формы хозяйствования, формирующие ценности материальной заинтересованности, экономической самостоятельности и социальной независимости. В целом изменения последних десятилетий в ценностно-мотивационной структуре российского и китайского обществ исследователи сводят к «нарастанию индивидуалистических настроений» [2. С. 64], несмотря на существенное различие между российским и китайским способами проведения реформ. В частности, китайскому руководству удалось максимально задействовать в ходе модернизации традиционные китайские ценности (прежде всего конфуцианства — усердие, бережливость, смирение с бедностью, приоритет земледелия над прочими видами хозяйственной деятельности и справедливости над выгодой, культ семьи, рациональность, самодисциплина и др.). В значительной степени благодаря этому для китайского общества не характерен особый для нынешнего российского общества конфликт поколений. По сути, изменение общего социально-экономического контекста жизни молодого человека в российском обществе привело к тому, что процесс преемственности и воспроизводства ценностных ориентаций уступил место адаптационным механизмам.

Как показывают данные социологических исследований, для китайской и российской студенческой молодежи сегодня характерно бесконфликтное сосуществование консервативных и патриотических ориентаций с либеральными и глобализационными; политический радикализм одной части студенчества компенсируется политической апатией и гражданской пассивностью другой ее части; экономические ценностные ориентации демонстрируют безоговорочную поддержку рыночной модели и склонность работать в частном секторе экономики; в целом для молодых поколений характерен рост прагматизма и индивидуализма за счет снижения альтруистических настроений. Очевидны и значимые различия молодежи двух стран: для российского студенчества большое значение имеет политическая мощь страны, тогда как для китайского — скорее экономическая; у китайской молодежи более сильны традиции коллективизма; китайские студенты предпочитают государственные формы собственности и занятости и т.д.

В 2008 г. Социологическая лаборатория РУДН совместно с Центром исследований молодежи и юношества Китая (Пекин) провела сравнительное исследование ценностных ориентаций студенческой молодежи Москвы и Пекина. Как

показали результаты исследования, реализованного методом анкетирования на московской выборке в 1070 и пекинской в 1074 респондента, ценностная сфера российской и китайской студенческой молодежи имеет как общие характеристики, так и особенности. Рассмотрим основные блоки ценностных ориентаций, вопросы по которым были представлены в анкете.

Образовательные ценности. В качестве основной причины получения высшего образования у российских и китайских студентов выступает желание получить знания, необходимые для дальнейшей жизни, однако далее мнения студентов двух стран несколько разнятся: второй по значимости мотив у китайских студентов — заинтересованность предприятия, на котором они уже работают или только собираются, у российских — желание стать квалифицированным специалистом, третье по рангу в системе координат китайских студентов; на третьем месте у российских студентов — желание просто получить диплом. Если бы у студентов была возможность выбора, почти половина китайских студентов хотела бы учиться за границей (среди россиян таковых — каждый третий), соотношение становится прямо противоположным в случае с теми, кому их вуз нравится (не хотят менять место учебы) — каждый второй россиянин и каждый третий китайских студент. Каждый четвертый китайский и каждый пятый российский студент пошли бы учиться в другой вуз, будь у них такая возможность. Планируют продолжить образование после окончания вуза (магистратура, аспирантура, второе высшее) 50% китайских и 67% российских респондентов. Таким образом, существенных различий по образовательному блоку не прослеживается, за исключением того момента, что китайские студенты в большей степени ориентированы на обучение за границей и скорейшее трудоустройство после окончания вуза.

Трудовые ценности. Каждый третий российский и китайский студент полагают, что легко смогут найти себе рабочее место по специальности после окончания вуза, каждый пятый настроен на долгий поиск работы по специальности; полагают, что без проблем найдут себе работу не по специальности 50% китайских и 36% российских респондентов. Главные требования к работе у китайских студентов — ее интересность, возможность самореализации, небольшой, но стабильный доход и возможность новых знакомств; у российских студентов на первом месте оказались высокая оплата труда и интересность (в равной степени), на втором — возможности карьерного роста, лишь на третьем — возможность самореализации. Российские студенты испытывают меньший оптимизм, чем их китайские сверстники, оценивая свои шансы на трудоустройство, и придерживаются более прагматичных критериев поиска работы (деньги и карьера).

Межличностное взаимодействие. Большинство опрошенных выросло в полных семьях (порядка 70%) и свои отношения с родителями характеризуют как полное взаимопонимание (данная характеристика несколько чаще встречается у китайских респондентов, чем у российских, — 46% против 38%) или теплые, дружеские (порядка 40%). Своих детей воспитывали бы примерно также 46% китайских респондентов и 64% российских — категорически по-другому настроен воспитывать своих детей каждый четвертый китайский студент и каждый пятый российский. Порядка 70% опрошенных обладают широким кругом общения, сре-

ди которого выделяют несколько особенно близких друзей. В тяжелые моменты своей жизни студенты обращаются к друзьям и родителям. В официальном или гражданском браке состоит в четыре раза больше российских студентов, чем китайских (12% против 3%). Главное условие заключения брака — финансовая независимость, способность обеспечить себя и свою семью (так считает 66% китайских студентов) — треть россиян думает также, другая треть пока еще вообще не задумывалась об этом. Большинство респондентов хотели бы иметь двух детей. Личную ответственность студенты ощущают, в первую очередь, за семью и близких, на втором месте — они сами и друзья, на третьем — своя страна. Таким образом, семейная модель родительской семьи в несколько большей степени приемлема для российских студентов, чем для китайских. Последние практически не вступают в брачные отношения в период учебы, откладывая брак на период достижения финансовой состоятельности.

Политические ценности. Интересуются политикой 84% китайских и 70% российских студентов. Примерно четверть опрошенных не принимает участия в выборах, будучи уверенными, что их участие в голосовании ничего не меняет. 44% китайских и треть российских студентов полагают, что ситуация в стране оказывает значительное влияние на реализацию их жизненных планов — треть респондентов в обеих странах не считает это влияние значимым. Считают себя патриотами 86% китайских и половина российских студентов. Последние более взвешено оценивают сближение со странами Запада, видя в нем и хорошее и плохое (45% против 24% китайских респондентов), тогда как китайские студенты видят в нем больше пользы, чем вреда (53% против 23% россиян). Как граждане своих стран китайские и российские студенты гордятся их историей, природными богатствами, культурным наследием и спортивными достижениями. Различия в предметах национальной гордости таковы: положением Китая на мировой арене гордятся 73% студентов (и лишь 25% российских респондентов), научными достижениями Китая — 70% (против 50% российских студентов), армией Китая — 71% (против 19%); однако в России система образования — предмет гордости 99% опрошенных, тогда как в Китае для молодежи она таковой она не является. Общие зоны недовольства студентов двух стран — развитие экономической и социальной сфер, уровень жизни населения; специфически российская зона недовольства — деятельность государственных органов. Уровень доверия правительству, собранию народных представителей, партии власти, общественным организациям, банкам, судам, армии, бизнесу, средствам массовой информации в Китае значительно (в 2—3 раза) превышает аналогичные показатели по России. Иными словами, для студентов России и Китая характерна высокая заинтересованность в политической жизни своих стран, а также политический «оптимизм». Китайские студенты более однозначно характеризуют в себя в координатах патриотизма, более позитивно воспринимают западное влияние и органы государственного управления. В целом китайские студенты ощущают себя более комфортно в своем обществе, демонстрируя высокий уровень доверия основным социальным институтам.

Общие ценностные приоритеты и проблемы. Верующими себя считают 56% российских студентов и 9% китайских (неверующими, соответственно, 20% и 61%); в Китае доминирует буддизм (46%), в России — православие (82%). Треть опрошенных вообще не посещает религиозные учреждения. Причину обращения человека к религии китайские студенты, видят, прежде всего, в морально-нравственной ее составляющей (73%), тогда как для российских студентов одинаково значимы морально-нравственное ядро, облегчение душевных страданий и покаяние (по 50%).

Приоритетная форма проведения досуга у молодежи двух стран — просмотр телевизионных программ и Интернет; на втором месте — чтение газет, журналов и художественной литературы (российские студенты также называют прогулки с друзьями).

В качестве основных проблем молодежи студенты двух стран называют морально-нравственную деградацию общества, однако для китайских студентов она приоритетна наряду с безответственностью молодого поколения, тогда как у россиян на первом месте находятся также девиантные практики (наркомания и алкоголизм). Для россиян менее значимы такие проблемы, как коррупция власти и отсутствие взаимопонимания с родителями.

В качестве слагаемых жизненного успеха российские и китайские студенты достаточно единодушно называют собственные знания и умения, наличие нужных связей и знакомств, трудолюбие, поддержку родных и близких и коммуникабельность; вспомогательным фактором выступает диплом престижного вуза и знание иностранного языка; кроме того, для китайских студентов важна удача (83% против 54% россиян). Чтобы добиться успеха, китайский студент считает необходимым быть коммуникабельным оптимистом, честным, исполнительным и одновременно изворотливым; российский студент — трудолюбивым, коммуникабельными, целеустремленным и талантливым (честолюбие, оптимизм и расчетливость — второстепенны).

Для китайских студентов характерен более позитивный социальный настрой — большинство опрошенных (около 80%) согласны с утверждениями, что спокойная совесть важнее прибыли, мир не без добрых людей, главное в жизни — честь и достоинство. Сознание российской молодежи более амбивалентно — в принципе россияне разделяют данные установки, хотя в несколько меньшей степени (примерно 65—70%), однако примерно столько же респондентов полагает, что в России сегодня без взятки невозможно решить ни одной проблемы, большинство людей заняты своими проблемами и равнодушны к проблемам других.

В целом в будущее студенческая молодежь двух стран смотрит с надеждой и оптимизмом (около половины) или же спокойно (порядка 40%). Треть опрошенных считает себя оптимистами, треть — реалистами, половина планирует свою жизнь на ближайшую перспективу, треть — и на отдаленную. Самым важным в жизни студенты считают семью и здоровье.

Если говорить о некотором обобщенном образе двух стран, то информацию друг о друге студенты получают прежде всего из средств массовой информации,

чаще всего из Интернета. В качестве самых известных российских общественных деятелей китайские студенты назвали Путина, на втором месте — Ленин, на третьем — Ельцин и Сталин; у российских студентов на первом месте оказался Мао Цзэдун, на втором — Конфуций, на третьем — Ху Дзинтао и Джеки Чан. Образ россиянина в сознании китайских респондентов — это совокупность таких характеристик, как патриот, шовинист, любящий выпить, трудолюбивый, коллективист; образ китайца глазами российских студентов рисуется существенно иным — трудолюбивый патриот-коллективист, дисциплинированный и семейственный. Наиболее положительно китайские студенты относятся к Франции, Швейцарии, Германии; России, США, Англии, Южной Корее и Австралии. Российские студенты называют в качестве таковых Японию, Францию, Германию, Англию, Швейцарию; США, Китай, т.е. наши страны пока еще не на первом месте по привлекательности, интересности и положительной оценке друг у друга. Тем не менее сегодняшние отношения наших стран рассматриваются как несущие каждой из них больше плюсов, чем минусов (так считает половина опрошенных российских и китайских респондентов). Совокупный образ России, который сложился у китайских студентов, — это страна, играющая значимую роль не только в регионе, но и в последние двадцать лет в мире в целом, сильная своей армией, но не очень успешно прошедшая этап реформирования (по сравнению с Китаем). Образ Китая у российской молодежи опять же более позитивен — страна со все возрастающей ролью в мире благодаря экономическому росту и успешному пути реформирования (24% россиян считают, что ему следует поучиться).

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бао Шифэнь*. Сравнение реформ в России и Китае. Китайские политологи о характере и результатах перестройки в России в «эпоху Ельцина» // Экспресс-информация Института Дальнего Востока РАН. — 2000. — № 4.
- [2] *Вишневский Ю.Р., Шапко В.Т.* Студент 90-х — социокультурная динамика // Социологические исследования. — 2000. — № 12.
- [3] *Гаврилюк В.В., Трикоз Н.А.* Динамика ценностных ориентаций в период социальной трансформации (поколенный подход) // Социологические исследования. — 2002. — № 1.
- [4] *Латин Н.И.* Базовые ценности и социокультурная трансформация России // Социология власти. — М., 1999. — № 4.
- [5] *Лисовский В.Т.* Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России. — СПб., 2000.
- [6] *Пивоварова Э.* Уроки хозяйственной реформы в КНР // Российский экономический журнал. — 1997. — № 5—6.
- [7] *Сурина И.А.* Ценностные ориентации как предмет социологического исследования. — М., 1996.

THE SYSTEM OF VALUES OF UNIVERSITY STUDENTS IN TRANSITIONAL SOCIETY

N.P. Narbut, I.V. Trotsuk

Sociology Chair

Department of Social Sciences and Humanities

Peoples' Friendship University of Russia

Miklukho-Maklay str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

On the basis of empirical sociological research the article compares adopted values among youth in China and in Russia as well as in Russia and in Czech Republic, the states which implement different approaches to social change and emerging market economy.